

УДК-327.3:101.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-24-35

## ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДОКТРИНЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

А. А. Ковалев

*Ковалев Андрей Андреевич*, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru (ORCID: 0000-0002-7760-5732).

### Аннотация

В статье проводится политико-философское осмысление доктрины ядерного сдерживания как концепта, возникшего в условиях глобального соперничества и трансформировавшегося в процессе развития международных отношений. Цель исследования – выявление аксиологических, нормативных и стратегических оснований, лежащих в основе идеи предотвращения агрессии путём демонстрации ядерной угрозы. Анализ охватывает ключевые этапы формирования доктрины, раскрывает её моральные и политические противоречия, а также отражает трансформацию восприятия в условиях асимметричных рисков и ослабления доверия между государствами. Особое внимание уделено соотношению сдерживания как рационального механизма и как символической формы политической коммуникации, встроенной в культуру безопасности. В работе используются исторический и конструктивистский подходы, позволяющие проследить эволюцию военных стратегий и определить социальные основания формирования доктрины. Рассматриваются современные вызовы: распространение ядерных технологий, возникновение новых угроз глобальной безопасности, изменение баланса сил. Подчёркивается значимость международного сотрудничества, гуманитарных и правовых аспектов обеспечения стабильности. Сделан вывод о том, что концепция ядерного сдерживания утрачивает универсальность как инструмент глобального порядка и требует переосмысления в новых философских и гуманитарных координатах. Аргументируется, что эффективная система безопасности XXI века невозможна без развития новых форм глобального взаимодействия и коллективной ответственности.

**Ключевые слова:** глобальная безопасность; теория MAD; этика ядерного сдерживания; асимметричные угрозы; экзистенциальные риски; война; ядерное оружие; система безопасности.

### Введение

Вторая мировая война стала переломным этапом в истории международной безопасности, поскольку привела к появлению ядерного оружия – уникального средства массового поражения, основанного на энергии ядерных реакций. Его разрушительная сила не имеет аналогов среди других видов вооружения. Ядерное оружие было создано в рамках американской программы «Манхэттен», реализованной в годы Второй мировой войны. Инициатива, развернутая правительством США при участии Великобритании и Канады, объединила усилия ученых в масштабном научно-техническом сотрудничестве. Разработкой руководил физик Роберт Оппенгеймер, которого называют «отцом атомной бомбы». Первое успешное испытание ядерного оружия состоялось 16 июля 1945 г. на полигоне в пустыне Аламогордо (штат Нью-Мексико, США). Испытательная бомба под названием «Тринити» использовала реакцию деления плутония-239 и произвела мощный взрыв, продемонстрировав возможность практического применения ядерной энергии в военных целях. Однако появление ядерного оружия стало не только технологическим прорывом, но и поворотным событием во всей системе глобальной безопасности, уникальность которого заключалась в том, что потенциальная катастрофа превратилась в условие стабильности. Ядерное оружие представляет собой исключительную и крайнюю меру, а потому каждое государство, обладающее ядерным арсеналом, обязано воздерживаться от его применения, соотнося национальные интересы с необходимостью поддержания международной безопасности. Уже на этапе своего возникновения ядерное оружие поставило перед человечеством вопрос о природе власти, границах рациональности и допустимости угрозы как инструмента политического действия.

Поскольку ядерное оружие остается мощным, но крайне опасным инструментом влияния, необходимо разрабатывать подходы, позволяющие минимизировать риски его использования, не утрачивая при этом его стратегического значения для обеспечения национальной безопасности. Одним из таких подходов стало формирование концепции ядерного сдерживания, лежащей в основе современных концепций безопасности. Ядерное сдерживание определяется как «обеспечение национальной безопасности государства от военной агрессии посредством обладания ядерным оружием и политической волей к его применению» (Веселов, 2010: 77). Термин «ядерное сдерживание» соотносится с концепцией предотвращения агрессии через угрозу ответного удара с применением ядерного оружия. Следование логике неприменения ядерного оружия (при условии обладания им) делает концепцию сдерживания своеобразной парадоксальной моделью удержания от взаимных ядерных ударов. А действенна она лишь потому, что остается неосуществленной, превращая потенциальное разрушение в условие поддержания порядка.

В русском языке слово «сдерживание» происходит от глагола «сдерживать», означающего удерживать, ограничивать или предотвращать. Английское *deterrence* восходит к латинскому *deterre*, образованному от *de-* (удаление) и *terrere* (устрашать), и обозначает «удержание посредством страха». Этимологическая структура термина позволяет раскрыть аксиологическую и онтологическую природу ядерного сдерживания как формы власти, основанной не на применении силы, а на институционализированном страхе. Слово «ядерное» происходит от латинского *nucleus*, означающего «ядро», и связано с использованием ядерной энергии. На английском это звучит как *nuclear deterrence*, на французском – *dissuasion nucléaire*, на немецком – *nukleare Abschreckung*, на испанском – *disuasión nuclear*, на итальянском – *deterrenza nucleare*, на китайском – 核威慑 (*hé wēishè*), на японском – 核抑止力 (*kaku yokushiryoku*).

Предметом данной работы является концепция ядерного сдерживания, под которой следует понимать систему взглядов, идей, механизмов и принципов реализации, направленных на предотвращение применения ядерного оружия посредством угрозы ответного удара и поддержания баланса сил в международных отношениях. Таким образом, концепция ядерного сдерживания рассматривается как инструмент поддержания мирового порядка.

В статье использованы следующие методы: исторический подход, позволивший проследить трансформацию концепции ядерного сдерживания от периода холодной войны до настоящего времени; метод интерпретации, благодаря которому данная концепция проанализирована через категории политической власти, угрозы и безопасности; а также анализ международных договоров и стратегий, позволивший выявить влияние режимов контроля над вооружениями на восприятие концепции ядерного сдерживания.

Методологическая основа работы строится на конструктивистском подходе, согласно которому ядерное сдерживание предстает не только как военно-стратегическая доктрина, но и как социальный конструкт, формируемый в ходе политических дискурсов и институциональных практик (на основе представлений о страхе, угрозах и безопасности).

Особую значимость здесь приобретает сопоставление национальной и глобальной безопасности. В логике конструктивистского подхода подчеркивается, что национальные интересы формируются в процессе политического дискурса и институциональных механизмов, вследствие чего они приобретают адаптивный характер по отношению к глобальным вызовам. Национальные стратегии сдерживания становятся одновременно средствами защиты суверенитета и элементами формирования международного порядка, что позволяет говорить не о противопоставлении, а о сложной взаимосвязи этих категорий.

Ядерная угроза и необходимость предотвращения применения ядерного оружия обостряют проблему ядерного сдерживания, цель которого состоит в недопущении Третьей мировой войны. Возникает парадокс, при котором угроза уничтожения человечества рассматривается как средство предотвращения войны. Иными словами, противоборствующие страны не способны договориться о мирном сосуществовании, которое, по сути, становится возможным только в условиях страха ответного удара. Другими словами, мир поддерживается только с помощью страха быть вовлеченным в смертоносную войну.

Итак, что же собой представляет ядерное сдерживание как ключевой аспект современной системы глобальной безопасности? С одной стороны, речь идет о его рассмотрении в качестве необходимой меры по сохранению мира, но, с другой стороны, под сомнением оказывается сама идея о том, что ядерная угроза может быть действенным (возможно, даже единственным) инструментом, позволяющим достигнуть мира (Крылова, 2018: 56). Действительно, может ли то, что способно истребить человечество, спасти его от гибели?

### Ядерное сдерживание: становление стратегической доктрины в 1950–1970-е гг.

1945 год навсегда изменил подходы к безопасности и ведению войн. У государств, обладающих ядерным оружием, появилась беспрецедентная возможность оказывать серьезное давление на противников. Вместе с тем на них легла и колоссальная ответственность за сохранение человечества, с учетом риска начала ядерной войны.

В послевоенные годы стремительно усиливалась конфронтация между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которая привела к формированию биполярного мира. Начало холодной войны ознаменовало период глобального противостояния и крайней напряженности. В условиях конфликта ядерное сдерживание стало центральной концепцией, направленной на предотвращение прямого столкновения через угрозу масштабных разрушений, способных стать следствием агрессии. Смысл концепции заключался в способности каждой стороны нанести ответный ядерный удар, удерживающий противника от нападения из-за страха понести неизбежные потери.

Важно отметить, что концепция ядерного сдерживания может быть рассмотрена в нескольких измерениях, среди них аксиологическое, эпистемологическое, нормативное и этическое. Так, *аксиологический подход* позволяет акцентировать внимание на взаимосвязи ценностей выживания, мира и национальной безопасности. Ядерное оружие защищает от военных угроз и одновременно угрожает самому существованию, вызывая противоречие между стремлением к безопасности и осуждением вероятности массового уничтожения. Это противоречие обнажает фундаментальный кризис ценностей, при котором безопасность достигается через симметричную угрозу абсолютной незащищенности. *Эпистемологическое измерение* направлено на осмысление неопределенности межгосударственных отношений, связанной с невозможностью спрогнозировать последствия применения ядерного оружия, и рациональности, выраженной в стремлении к защите. Так политическая реальность, в которой есть место ядерному сдерживанию как способу преодоления неопределенности, становится эпистемологически нестабильной. *Нормативное измерение* связано с вопросами легитимности и справедливости, здесь выделяется значимость международного права в процессе установления принципов ядерного сдерживания и ограничения его разрушительного потенциала. При этом ядерное сдерживание представляется временным решением, которое необходимо заменить устойчивыми международными структурами, предотвращающими угрозу войны. *Этическое измерение* сосредоточено на вопросе моральной допустимости угрозы применения ядерного оружия, а также на принципах справедливости, пропорциональности, различения целей и уважения человеческого достоинства, несовместимых с насилием. Этика вступает в противоречие с политическим расчетом, предъявляя требование не к ограничению применения, а к отказу от самой идеи допустимости угрозы как средства удержания порядка.

В 1950–1970-е годы концепция ядерного сдерживания претерпела значительные изменения под влиянием гонки вооружений и эволюции концепций безопасности. Ядерное сдерживание превратилось из тактики в политическую доктрину, формирующую глобальную безопасность. Ключевым элементом доктрины взаимного гарантированного уничтожения (Mutually Assured Destruction, MAD) стало ее официальное закрепление в стратегиях США и Советского Союза к 1960-м гг. Доктрина взаимного гарантированного уничтожения, закрепленная в стратегиях США и СССР, строилась на идее, что угроза тотального разрушения предотвращает войну. Один из ее основоположников, Б. Броуди, подчеркивал, что ядерное оружие меняет смысл войны, превращая обладание им в акт сдержанности (Steiner, 1991). Сдерживание становится формой парадоксального гуманизма – спасения через взаимный страх.

Ключевым этапом развития концепции ядерного сдерживания стала разработка баллистических ракет с ядерными боеголовками и технологий, обеспечивающих возможность ответного удара. Предполагалось, что даже при нанесении первого удара одна из сторон сможет гарантированно ответить, уничтожив нападавшего. Политическое закрепление подходов к ядерному сдерживанию началось с принятия стратегии «гибкого реагирования» (Flexible Response) в США, которая стала частью политики НАТО в начале 1960-х гг. Президент Джон Кеннеди и министр обороны Роберт Макнамара поддержали ее, разработав меры, предусматривающие ответ на любую ядерную агрессию. Макнамара в своих выступлениях и статьях подчеркивал, что разрушительные последствия ядерной войны для обеих сторон делают даже ограниченный конфликт с применением ядерного оружия невозможным с рациональной точки зрения (Goldberg, 1984).

В логике доктрины взаимного уничтожения Герман Кан рассматривал ядерную угрозу как рациональный инструмент политического расчета, позволяющий сдерживать агрессию посредством

страха и моделирования последствий (Kahn, Jones, 2017). Томас Шеллинг, напротив, понимал сдерживание как форму политической коммуникации, в которой угроза выступает речевым актом, предотвращающим войну за счет осознания ее неизбежных последствий (Schelling, 1981).

Генри Киссинджер предложил концепцию «гибкого реагирования», допускающую ограниченное применение ядерного оружия для сдерживания эскалации и сохранения политического контроля (Kissinger, 2023). Он обосновывал необходимость выверенного управления рисками, при котором угроза ограниченного удара служит инструментом стратегического давления.

Гленн Снайдер рассматривал сдерживание как стратегический парадокс, эффективность которого определяется восприятием последствий, делающих агрессию невыгодной (Paul, Morgan, Wirtz, 2009). Кеннет Уолтц утверждал, что распространение ядерного оружия способствует стабильности за счет страха взаимного уничтожения, хотя его дискуссия со Скоттом Саганом выявила противоречие между аргументами в пользу устойчивости и опасениями роста рисков (Viotti, 2024).

Критики доктрины взаимного уничтожения, в том числе Н. Винер, указывали на риск потери контроля в условиях автоматизации принятия решений (Dinello, 2013). Г. Моргентау рассматривал сдерживание как подмену дипломатии логикой угроз (Morgenthau, 1948), Э. Фромм – как дегуманизацию мира, основанного на страхе (Fromm, 2023). А. Рапопорт подчеркивал, что сама по себе угроза массового уничтожения противоречит моральным нормам (Rapoport, 1964).

Карибский кризис 1962 г. продемонстрировал уязвимость системы ядерного сдерживания: случайная эскалация могла обернуться катастрофой. Событие стало поводом для переосмысления моральной ответственности государств, что выразилось в речи Дж. Кеннеди о взаимном доверии и заключении Договора о запрещении ядерных испытаний (Paquette, 2003). Л. Мамфорд трактовал ядерное оружие как культурный вызов, символ дегуманизации и технократического контроля (Mumford, 1974), тогда как Ф. Ноэль-Бейкер подчеркивал необходимость разоружения и формирования международных механизмов сдерживания (Noel-Baker, 1958).

В качестве альтернативы доктрине взаимного гарантированного уничтожения Андре Бёфр предлагал «тотальную стратегию», сочетающую ядерные и неядерные средства с усилением дипломатии (Beaufre, 1965). У. Кауфман обосновывал концепцию «контролируемой эскалации» как управляемую форму ограниченного применения ядерного оружия (Payne, 2021). А. Уолстеттер акцентировал внимание на технологической устойчивости арсеналов (Trachtenberg, 2020), тогда как Г. Йорк рассматривал ядерную угрозу как этико-цивилизационный вызов и настаивал на необходимости разоружения (York, 1970).

В 1970-х годах подписание ДНЯО и договоров ОСВ-1/2 выразило стремление мирового сообщества выйти за пределы логики взаимного уничтожения, перейти к контролируемому ограничению вооружений и поиску альтернативных стратегий поддержания мира.

### **Ядерное сдерживание как объект политического переосмысления в 1970–1980-е гг.**

В 1970–1980-е годы начался период разрядки, когда ядерное противостояние и гонка вооружений начали уступать место попыткам международного сотрудничества и ограничения ядерных арсеналов.

Американский политолог Стивен Уолт в книге *«Истоки альянсов»* (The Origins of Alliances) разработал теорию баланса угроз, объясняя поведение государств в условиях международной нестабильности. Уолт утверждал, что восприятие угрозы определяется рядом факторов, среди которых близость потенциального противника, его военные возможности, агрессивные намерения и исторический опыт взаимодействия (Walt, 1990). Тем самым государства оценивают угрозу и формируют свои концепции, опираясь на ядерное сдерживание. Уолт писал о том, как субъективное восприятие угрозы становится значимым фактором, влияющим на выбор политических и военных решений. Формирование альянсов при наличии потенциальной опасности позволяло снижать риски, а ядерное сдерживание функционировало как механизм, создающий иллюзию баланса сил. Сдерживание при этом предстает не как объективная структура, а как сконструированная реакция на образ врага, где политическое воображение, историческая память и страх соединяются в стратегический расчет. На основании чего можно констатировать, что концепция сдерживания выходит за пределы военной стратегии, приобретая черты политико-психологической категории. Ядерное сдерживание оказывается не только ответом на внешнюю угрозу, но и феноменом, отражающим способы коллективного восприятия и воспроизводства опасности в системе международных отношений.



Копенгагенская школа безопасности, представленная работой «Безопасность: новые рамки для анализа» (Security: A New Framework for Analysis) под авторством Барри Бузана, Оле Уивера и Яапа де Вилде, рассматривала безопасность как социальный феномен, где процессы секьюритизации играют ключевую роль (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998). Барри Бузан отмечал, как такие процессы превращают определенные проблемы в экзистенциальные угрозы, требующие чрезвычайных мер. Оле Уивер анализировал, как политическая риторика формирует восприятие угроз, превращая их в объекты общественного страха, что усиливает их значимость в концепциях, подобных ядерному сдерживанию. Яап де Вилде изучал взаимосвязи между традиционными военными угрозами и современными вызовами, затрагивающими технологические и социальные аспекты. При секьюритизации ядерное оружие функционирует не только как инструмент военной силы, но и как знак политической власти, формирующий общественное восприятие угроз и само представление о безопасности. Ядерное сдерживание предстает как процесс двойственного характера – военного и семиотического, в котором угроза действует не только как технический потенциал, но и как выражение предельной исключительности.

Роберт Пауэлл, американский политолог, в книге «Теория ядерного сдерживания: в поисках убедительности» (Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility) исследовал взаимодействие риска, рациональности и неопределенности в рамках теории ядерного сдерживания. Пауэлл акцентировал внимание на сложности поддержания доверия к концепции сдерживания, подчеркивая, что для избежания катастрофической эскалации угроза применения ядерного оружия должна быть управляемой (Powell, 1990). Его подход позволяет сосредоточиться на одной из ключевых дилемм: как сбалансировать демонстрацию решимости с предотвращением необратимых последствий. Парадокс ядерного сдерживания, в изложении Пауэлла, заключается в том, что для достижения мира необходимо искусственно поддерживать вероятность войны, не допуская ее реализации. Угроза становится действием, которое не должно быть доведено до конца, но не может быть полностью устранено. Исследование Пауэлла представляет собой значимый вклад в осмысление стратегий управления рисками в условиях нестабильности и неопределенности. Возникает вопрос о допустимости сознательного воспроизводства предельной угрозы как инструмента международного порядка, в котором рациональность принимает форму управляемого иррационального.

Несмотря на дипломатические и научные усилия 1970–1980-х гг., угроза ядерного конфликта сохранялась, усиливая внимание к вопросам моральной допустимости и ответственности, сопряженным с концепцией ядерного сдерживания. Сторонники пацифизма и глобального разоружения утверждали, что ядерное оружие представляет не только физическую, но и моральную угрозу для человечества. Так, Джонатан Шелл, американский журналист и гуманист, в книге «Судьба Земли» (The Fate of the Earth) предупреждал о глобальных катастрофических последствиях ядерной войны, включая уничтожение экосистемы и гибель человечества, акцентируя внимание на необходимости разоружения как условия сохранения цивилизации (Schell, 2000). Ядерная угроза, по его утверждению, разрушает саму перспективу будущего, лишая человечество права на проект, память и надежду – три оси, на которых основывается историческое сознание. Моральные и социальные аспекты ядерного оружия волновали также Эдварда П. Томпсона, британского историка и активиста, который в работе «Протестовать и выживать» (Protest and Survive) критиковал политику ядерного сдерживания, называя ее «смертельным абсурдом» и призывал к массовым антиядерным протестам, рассматривая их как единственный путь к миру (Thompson, Smith, 1981). В позиции Томпсона протест против ядерного оружия предстает не только как политический акт, но и как форма нравственного самоопределения, восстанавливающая ценность жизни как безусловной категории. Развивая представление о разрушительных последствиях ядерной стратегии, Элинор Клифт, американская журналистка и писательница, подчеркивала, что ядерное оружие разрушает основы морали и превращает страх в норму, а также настаивала на необходимости международного сотрудничества для достижения полного разоружения (Braden, 2021). По оценке Клифт, страх создает новую повседневность, в которой моральное измерение вытесняется логикой выживания, подчиняющей человечество неразумной стабильности на грани катастрофы.

Во второй половине XX в. антиядерные движения усилились, что отражало нарастающую обеспокоенность общества глобальной угрозой. Массовые протесты в США, Европе и других регионах, а также деятельность международных организаций стали значимым фактором давления на политическое руководство и способствовали формированию устойчивого дискурса о полном отказе от ядерного оружия как необходимом условии выживания цивилизации.

В ответ на подобные идеи государства начали предпринимать действия по сдерживанию гонки вооружений, хотя полного отказа от ядерного арсенала так и не произошло, вследствие чего напряженность вокруг концепции ядерного сдерживания сохранялась. Одним из ключевых соглашений стал Антибаллистический договор (Договор ПРО), подписанный СССР и США 26 мая 1972 г. Он ограничивал системы противоракетной обороны каждой из сторон одной зоной, сохраняя уязвимость для ответного удара и предотвращая эскалацию дорогостоящей гонки вооружений. Несмотря на свою эффективность, договор утратил силу в 2002 г. после выхода из него США. Еще одним значимым шагом стал Договор о запрещении подземных ядерных испытаний, подписанный 3 июля 1974 г., ограничивавший мощность испытаний до 150 килотонн, что препятствовало разработке более мощного ядерного оружия. Хотя он официально вступил в силу только в 1990 г., его положения начали соблюдаться с момента подписания. Последовательное приложение усилий в области ограничения вооружений и давление со стороны общественности создали основу для подписания Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) в 1987 г., который стал важным шагом в сокращении ядерных арсеналов и укреплении международной безопасности.

### **Окончание холодной войны и трансформация ядерного сдерживания в XXI в.**

Распад СССР, вслед за которым была ликвидирована биполярная система международных отношений, закономерно завершил холодную войну. Вместе с тем количество вопросов о будущем мировой системы безопасности превысило число ответов. Ядерное сдерживание, основанное на традиционной модели, уже не могло функционировать в прежнем виде.

С окончанием прямой конфронтации между СССР и США доктрина взаимного гарантированного уничтожения утратила актуальность в условиях однополярного мира. Страх, который на протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны лежал в основе системы глобальной безопасности, перестал служить фундаментом стабильности, основанной на взаимном отказе от применения ядерного оружия.

Несмотря на понимание человечеством разрушительного потенциала ядерного оружия и бесперспективности политики ядерного сдерживания как долгосрочной стратегии международной безопасности, полного отказа от ядерного арсенала так и не произошло. Напротив, обладание ядерным оружием стало символом независимости и суверенитета государства на международной арене. По этой причине некоторые страны, которым запрещено иметь ядерное оружие, стремятся к его созданию, игнорируя санкции. Среди таких государств можно выделить Ирак, Ливию, Северную Корею и Иран.

После окончания холодной войны стремление к обладанию ядерным оружием превратилось для ряда государств в символ суверенитета и политической независимости. Ирак, Ливия, Иран и Северная Корея предпринимали усилия по развитию собственных ядерных программ, что вызывало тревогу международного сообщества и способствовало усилению глобальных механизмов контроля за нераспространением.

Джозеф Най, разработавший концепцию «мягкой силы», предложил новый подход к международной безопасности, основанный на культурной, идеологической и дипломатической привлекательности, противопоставляемой традиционному акценту на военное превосходство. Ядерное оружие, по его мнению, усиливает глобальное недоверие, поскольку страх и принуждение не формируют устойчивого порядка и не позволяют решать долгосрочные задачи безопасности. Устойчивость возможна лишь при условии признания субъектности между государствами, а не навязывания подчинения. Най утверждал, что истинная стабильность достигается через доверие и сотрудничество, а не через баланс сил, создающий лишь иллюзию порядка (Ohnesorge, 2019). Его концепция объединяет «мягкую силу» с военной мощью, акцентируя внимание на необходимости адаптации международной системы к транснациональным угрозам, таким как изменение климата, экономические кризисы и распространение технологий. Тем самым Най вводит в сферу международной безопасности новое аксиологическое измерение, где определяющее значение имеет не техническая мощь воздействия, а способность формировать привлекательные и разделяемые образы будущего. Он подчеркивал необходимость укрепления международных институтов и разработки норм, объединяющих ценности и интересы, утверждая при этом, что только через совместные усилия удастся минимизировать риски ядерной эскалации и достичь устойчивой глобальной безопасности. Отказ от ядерной логики здесь не является жестом доброй воли, его можно считать прагматическим условием выживания в мире, где координация и моральный авторитет приобретают стратегический статус.

Развивая эти идеи, Ричард Фолк, профессор международного права, в книге «*О гуманном управлении: на пути к новой глобальной политике*» (On Humane Governance: Toward a New Global Politics) рассматривал ядерное сдерживание с позиций гуманизма и международного права. Концепция, построенная на угрозе тотального уничтожения, противоречила, по его мнению, этическим принципам и международным нормам, поскольку ставила под удар миллионы невинных людей (Falk, 1995). Ядерное оружие, как отмечал Фолк, подрывает моральную легитимность государств, применяющих его, и разрушает основы гуманитарного права, запрещающего неизбирательное использование силы и обязывающего защищать мирное население. Угроза, направленная не на конкретного агрессора, а на человечество как вид, стирает различие между военной необходимостью и моральным безумием. Фолк называл ядерное сдерживание парадоксальной формой угрозы, оправдывающей возможность массового уничтожения под предлогом предотвращения войны. Легитимизация подобной стратегии ведет к нормализации коллективного насилия как элемента глобального порядка – явления, несовместимого с развитием международного права в направлении прав человека и достоинства личности. В его работах обосновывалась необходимость полного разоружения и формирования системы глобальной безопасности, основанной на праве, диалоге и международном сотрудничестве. Устойчивый мир, по мнению Фолка, может быть достигнут только тогда, когда безопасность строится на гуманизме и справедливости, а не на насилии.

На фоне критики ядерного оружия Майкл Дойл в работе «*Пути войны и мира: реализм, либерализм и социализм*» (Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism) переосмыслил роль ядерного сдерживания в современных международных отношениях. В мире, где демократические государства избегают войн друг с другом, устойчивость, по его убеждению, должна опираться на международное право и дипломатию, а не на угрозы уничтожения (Doyle, 1997). Ядерное сдерживание, по Дойлу, выражает логику взаимной подозрительности, блокирующую формирование политического пространства, основанного на доверии и признании субъектности. Такая модель, по его оценке, создает лишь иллюзию стабильности, препятствуя появлению долгосрочной архитектуры безопасности. Особое внимание уделялось внутренним механизмам демократий (прозрачности, подотчетности и разделению властей), снижающим вероятность войны. Демократия в таком подходе предстает не только как форма внутреннего устройства, но и как модель внешнего взаимодействия, ориентированного на предотвращение деструктивных стратегий. Вместо опоры на баланс страха Дойл предлагал укрепление международных институтов и норм, способствующих взаимному сотрудничеству и сокращению ядерных арсеналов. Тем самым формируется нормативно-политическая альтернатива ядерному реализму, в центре которой – идея безопасности, реализуемая через институциональное доверие, а не через устрашение.

Логическим продолжением подобных взглядов стало исследование Зигмунта Баумана, социолога и философа, который в книге «*Глобализация: последствия для человека и общества*» (Globalization: The Human Consequences) осветил взаимосвязь между ядерным оружием и глобализацией. Бауман подчеркивал, что современный мир характеризуется взаимозависимостью государств, где традиционные границы утрачивают свое значение (Bauman, 1998). В условиях взаимосвязанности ядерное сдерживание утрачивает эффективность, поскольку последствия войны затронут не только непосредственных участников, но и все человечество. Бауман утверждал, что ядерная угроза символизирует кризис политического мышления, не поспевающего за меняющейся структурой мира, где частные решения порождают глобальные последствия. Он критиковал ядерное сдерживание как концепцию, основанную на устаревших парадигмах, неспособных ответить на вызовы глобализации. Логика ядерного расчета, по мнению Баумана, несовместима с пространством растущей мобильности, уязвимости и сетевой взаимозависимости, где понятие «враг» утрачивает однозначность, а границы ответственности размываются. Исследователь предлагал обеспечивать стабильность посредством транснациональных институтов и совместного управления глобальными рисками, замещая угрозу силового воздействия международным сотрудничеством. Ученый делал акцент на моральной ответственности государств перед человечеством, подчеркивая противопоставление ядерного оружия идее коллективного выживания, поскольку оно угрожает не только безопасности, но и перспективам развития глобального общества. Ядерное оружие, по его утверждению, несовместимо с этикой глобальной солидарности, где безопасность перестает быть суверенной привилегией и превращается в общечеловеческий долг.

После распада СССР одним из ключевых шагов по укреплению глобальной безопасности стало ядерное разоружение Украины, реализованное при международной поддержке. Отказ от третьего по величине арсенала, передача боеголовок России и подписание Будапештского меморандума стали

символами успешного взаимодействия в сфере нераспространения, хотя последующие события вновь поставили под сомнение надежность предоставленных гарантий.

Реалии и вызовы XXI в. оказали существенное влияние на доктрину ядерного сдерживания и отношение к ней. Среди факторов, способствовавших изменениям, можно отметить распространение ядерных технологий (например, развитие ядерных программ Ирана и Северной Кореи), возрождение националистических идей (усиление ультраправых движений в странах Европы, в том числе в Германии и Франции), реабилитацию фашизма (примеры идеологизации и героизации фашистских символов на Украине), возникновение экзистенциальных рисков (угрозы, связанные с изменением климата и мировыми пандемиями, такими как COVID-19), а также появление новых форм конфликтов (гибридных войн, киберугроз и информационных атак, имеющих место в международных отношениях).

Сложность современных реалий исключает возможность обеспечения безопасности только за счет принципов ядерного сдерживания. Такой подход охватывает лишь часть проблемы. Ядерные угрозы относятся к войнам традиционного типа (кинетическим войнам), поэтому методы их сдерживания слабо соответствуют принципам ведения войн нового типа (нефизических войн) и требованиям безопасности в изменившихся условиях (Некlessа, 2019: 154). Ядерное сдерживание больше нельзя считать универсальной концепцией. Необходимы альтернативные подходы.

Концепция глобальной безопасности в XXI в. основывается на осмыслении асимметричных угроз, поскольку ядерное сдерживание утратило актуальность и больше не служит гарантией безопасности. Глобальная стабильность все больше зависит от превентивных мер, направленных на предотвращение катастрофической эскалации напряженности. Среди таких мер выделяются дипломатия, экономические санкции и проведение миротворческих операций в зонах вооруженных противостояний. Превентивные меры заменяют традиционные средства, к которым относится и ядерное сдерживание.

Важно отметить, что, несмотря на множество договоров и соглашений, контроль над распространением ядерных технологий остается сложной задачей. Появление новых ядерных государств, таких как Индия, Пакистан и Северная Корея, ставит под сомнение способность международного сообщества эффективно ограничивать распространение ядерного оружия. Северная Корея, начав проведение ядерных испытаний в 2006 г., активно развивает свой арсенал, осложняя усилия по глобальной денуклеаризации. Индия и Пакистан, сделав ядерное оружие неотъемлемой частью своих национальных стратегий в конце XX в., внесли значительный вклад в изменение баланса сил, актуализировав вопросы влияния региональных конфликтов на эскалацию глобальных ядерных рисков.

Для современного человечества большое значение имеет идея интернационализации контроля над ядерными арсеналами и ужесточения мер по предотвращению их распространения (Артамонов, Лукин, Мусиенко, 2020). Согласно принципам глобальной этики, безопасность должна основываться на международной кооперации, а не на национальных интересах. Такой взгляд позволяет рассматривать ядерное сдерживание как временное явление, которое постепенно может быть заменено механизмами коллективной безопасности.

Подходы к ядерному сдерживанию в XXI в. включают в себя в том числе концепцию экзистенциальных рисков, предложенную философом Ником Бостромом, профессором Оксфордского университета и основателем Института будущего человечества. Бостром определял экзистенциальные риски как угрозы, способные привести к полному исчезновению человечества или к изменениям, радикально ухудшающим перспективу его будущего, подчеркивая необходимость их систематического изучения (Bostrom, Cirkovic, 2011). Ядерное оружие он рассматривал как угрозу, выходящую за пределы стратегического анализа. Современные исследователи продолжили развивать эту концепцию. Так, австралийский философ Тоби Орд анализировал различные угрозы – ядерное оружие, пандемии, искусственный интеллект – акцентируя внимание на необходимости глобального сотрудничества (Ord, 2021). Для предотвращения необратимых последствий, по его мнению, требуется не просто политический контроль, а институционализация долгосрочной ответственности за будущее, выходящая за пределы избирательных циклов и национальных интересов. Британский космолог и астрофизик Мартин Рис в книге *«Наш последний час»* (Our Final Hour) предупреждал о риске самоуничтожения, связанном с ядерным оружием и биоинженерией (Rees, 2009). Также важен вопрос о способности человечества адаптировать этику и политику к масштабу разрушительной силы, порождаемой собственной активностью. Футуролог Андрес Сандберг уделял внимание природе экзистенциальных угроз и подчеркивал необходимость международного регулирования разрушительных технологий (Weikart, 2016). В представленном подходе акцент смещается с суверенного сдерживания на системную уязвимость, вследствие чего угроза утрачивает статус



политического инструмента и превращается в онтологический горизонт планетарной нестабильности.

Международное сообщество в XXI в. поддерживает идеи полного ядерного разоружения и разработку альтернатив для обеспечения глобальной безопасности. Так, Беатрис Финн, исполнительный директор Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия, активно выступает за полный отказ от ядерных арсеналов. В ее деятельности особое внимание уделяется многосторонним инициативам, таким как Договор о запрещении ядерного оружия, вступивший в силу в 2021 г., а также вовлечению гражданского общества в борьбу за мир без ядерного оружия. Подход Финн отражает трансформацию безопасности из прерогативы государств в пространство коллективной ответственности, где определяющее значение приобретают этика солидарности и культурная работа с памятью о катастрофах. В свою очередь, Тайлор Уилсон, американский физик, предлагает сосредоточить усилия на разработке безопасных технологий, лишенных военного применения, поскольку именно такой вектор способен укрепить глобальное доверие и снизить вероятность конфликта. Концептуальная установка основана на убеждении, что технический прогресс не может оставаться нейтральным и должен быть направлен в сторону недопустимости насилия как цивилизационного принципа. Также стоит отметить Кацутоси Канэду, японского дипломата и активиста, который, опираясь на исторический опыт Хиросимы и Нагасаки, активно развивает образовательные инициативы, повышающие осведомленность о гуманитарных последствиях ядерной войны и способствующие формированию глобальной культуры разоружения. В контексте исследований об экзистенциальных рисках поднимается вопрос о политике памяти как элементе устойчивой безопасности, ведь знание о страданиях превращается в ресурс, способный удерживать мир от повторения разрушительного прошлого.

В нынешних условиях ядерное разоружение все чаще воспринимается как необходимая мера для сохранения человечества, а не как утопическая идея. Инициативы по созданию «зон, свободных от ядерного оружия» в Латинской Америке и Африке, а также проведение международных конференций по нераспространению свидетельствуют о стремлении выйти за рамки логики ядерного сдерживания.

Человечество ориентировано на то, что концепция ядерного сдерживания как метод традиционного обеспечения глобальной безопасности будет дополнена новыми подходами. Однако за последнее десятилетие политика ядерного сдерживания, ранее понятная и эффективная, начала деформироваться, вследствие чего угроза ядерного противостояния вновь становится актуальной. В настоящее время сильны опасения повторения Карибского кризиса, так как исход нового подобного кризиса невозможно предугадать.

На сегодняшний день основная линия ядерного противостояния сохраняется в российско-американских отношениях. Значимость двусторонних усилий по сокращению ядерного арсенала и прекращению гонки вооружений остается ключевым фактором глобальной безопасности. Однако в последние годы позитивные изменения в этой сфере межгосударственного взаимодействия отсутствуют. Напротив, наблюдается нарастание напряженности, особенно после выхода США из Договора по РСМД в 2019 г. и приостановления Россией действия ДСНВ в 2023 г. на фоне обострения российско-американских отношений в период проведения специальной военной операции (СВО).

Обострение международной напряженности в последние годы обусловило пересмотр доктринальных подходов к ядерному сдерживанию. Возросшая роль посредничества, неформальных союзов и региональных конфликтов подтолкнула ряд государств, включая Россию, к актуализации принципов гибкого реагирования и юридическому уточнению условий применения ядерного оружия. Происходящие изменения отражают нарастание глобального соперничества и затрудняют поиск механизмов деэскалации на фоне разрушения прежних форм доверия и контроля.

В основе ядерного сдерживания находится парадокс, согласно которому мир сохраняется благодаря постоянной угрозе его разрушения. Так страх становится фундаментом глобального порядка. Ядерное сдерживание выходит за рамки военных доктрин, являясь культурным и ментальным инструментом, формирующим новое восприятие войны и безопасности. Оно не сводится лишь к удержанию противника от нападения через угрозу возмездия; оно тем самым символизирует рационально-иррациональное состояние, при котором сохранение мира возможно только при гарантии его уничтожения в случае нарушения установленных правил и границ.

Ядерное сдерживание – это динамическая система, функционирующая в условиях постоянного развития технологий, изменения баланса сил и политической нестабильности. Оно находится в зоне напряженности между технологической эволюцией и этическими дилеммами, стратегическим прагматизмом и гуманистическими ценностями. Ядерное сдерживание демонстрирует уязвимость прогрессивного во многих сферах общества перед способностью контролировать созданные им силы.

### Заключение

Подходы к ядерному сдерживанию демонстрируют двойственность системы глобальной безопасности, когда традиционные концепции безопасности утрачивают эффективность, а новые вызовы требуют поиска альтернатив. Ядерное сдерживание, ранее служившее гарантом стабильности, в XXI в. воспринимается как угроза не только отдельным государствам, но и всему человечеству. В настоящее время политика ядерного сдерживания не решает проблем ни национальной, ни международной безопасности, поэтому она уступает глобальной кооперации, политике разоружения и внедрения технологий, способных обеспечить мирное будущее. Однако в условиях несдержанности и проявления излишней политической амбициозности со стороны Запада его оппоненты, в том числе и Россия, вынуждены возвращаться к политике ядерного сдерживания.

Эволюция ядерного сдерживания, начиная со времен холодной войны и заканчивая актуальными дискуссиями о разоружении, указывает на сложность и многогранность этой концепции. В условиях глобализации, новых технологий и асимметричных угроз перед человечеством встает вопрос: возможно ли сохранить мир без ядерного оружия? Для этого от человечества потребуются заложить основу новых ценностей и концепций безопасности для будущих поколений, а от политической элиты – проявить политическую волю.

### Список литературы / References

- Артамонов, В. С., Лукин, В. Н., Мусиенко, Т. В. (2020) 'Стратегическая культура: к вопросу об эволюции теории', *Национальная безопасность и стратегическое планирование*, 3 (31), сс. 5–15. DOI: 10.37468/2307-1400-2020-3-5-15 [Artamonov, V. S., Lukin, V. N., Musienko, T. V. (2020) 'Strategic culture: on the evolution of the theory' [Strategicheskaya kul'tura: k voprosu ob evolyutsii teorii], *Natsionalnaya bezopasnost i strategicheskoe planirovanie*, 3 (31), pp. 5–15. (In Russ.)]. EDN: BHQGKC
- Веселов, В. А. (2010) 'Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание', *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 1, сс. 68–90. [Veselov, V. A. (2010) 'The nuclear factor in world politics: structure and content' [Yadernyi faktor v mirovoi politike: struktura i sodержanie], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 1, pp. 68–90. (In Russ.)]. EDN: MBYTFD
- Крылова, И. А. (2018) 'Военная безопасность России: актуальные проблемы', *Знание. Понимание. Умение*, 3, сс. 51–63. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.5 [Krylova, I. A. (2018) 'Russia's military security: current issues' [Voennaya bezopasnost' Rossii: aktual'nye problemy], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 3, pp. 51–63. (In Russ.)]. EDN: YABLQD
- Некlessа, А. И. (2019) 'Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсовременного общежития', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 149–164. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.11 [Neklessa, A. I. (2019) 'Muscles of war and nerves of peace: hybrid metamorphosis. Methodological and prognostic aspects of postmodern cohabitation' [Muskuly voyny i nervy mira: gibridnaya metamorfoza. Metodologicheskie i prognosticheskie aspekty postsovremennogo obshchезhitiya], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 149–164. (In Russ.)]. EDN: CFSKTD
- Bauman, Z. (1998) *Globalization: The Human Consequences*. Columbia University Press, 136 p.
- Beaufre, A. (1965) *An Introduction to Strategy: With Particular Reference to Problems of Defense, Politics, Economics, and Diplomacy in the Nuclear Age*. Praeger, 138 p.
- Bostrom, N., Cirkovic, M. M. (2011) *Global Catastrophic Risks*. OUP Oxford, 554 p.
- Braden, M. (2021) *Women Politicians and the Media*. University Press of Kentucky, 248 p.
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers, 239 p.
- Dinello, D. (2013) *Technophobic!: Science Fiction Visions of Posthuman Technology*. University of Texas Press, 341 p.
- Doyle, M. W. (1997) *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*. Norton, 557 p.

- Falk, R. A. (1995) *On Humane Governance: Toward a New Global Politics*. Polity Press, 288 p.
- Fromm, E. (2023) *The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology*. Open Road Media, 204 p.
- Goldberg, A. (1984) *History of the Office of the Secretary of Defense: The McNamara Ascendancy, 1961–1965*. Historical Office, Office of the Secretary of Defense.
- Kahn, H., Jones, E. (2017) *On Thermonuclear War*. Routledge, 690 p. DOI: 10.4324/9781315125701
- Kissinger, H. A. (2023) *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. Highlly Publishing LLP, 338 p.
- Morgenthau, H. J. (1948) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Knopf, 489 p.
- Mumford, L. (1974) *The Pentagon of Power*. Harcourt Brace Jovanovich, 496 p.
- Noel-Baker, P. (1958) *The Arms Race: A Programme for World Disarmament*. Oceana Publications, 579 p.
- Ohnesorge, H. W. (2019) *Soft Power: The Forces of Attraction in International Relations*. Springer Nature, 307 p. DOI: 10.1007/978-3-030-29922-4
- Ord, T. (2021) *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. Bloomsbury Publishing, 480 p.
- Paquette, L. (2003) *The Path to Peace: Strategies and Counter Strategies for Significant International Events*. Nova Publishers, 125 p.
- Paul, T. V., Morgan, P. M., Wirtz, J. J. (2009) *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age*. University of Chicago Press, 360 p.
- Payne, K. B. (2021) *The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction*. University Press of Kentucky, 242 p.
- Powell, R. (1990) *Nuclear Deterrence Theory: The Search for Credibility*. Cambridge University Press, 230 p.
- Rapoport, A. (1964) *Strategy and Conscience*. Harper & Row, 323 p.
- Rees, M. (2009) *Our Final Hour: A Scientist's Warning*. Basic Books, 240 p.
- Schell, J. (2000) *The Fate of the Earth and The Abolition*. Stanford University Press, 417 p.
- Schelling, T. C. (1981) *The Strategy of Conflict: With a New Preface by the Author*. Harvard University Press, 328 p.
- Steiner, B. H. (1991) *Bernard Brodie and the Foundations of American Nuclear Strategy*. University Press of Kansas, 367 p.
- Thompson, E. P., Smith, D. (1981) *Protest and Survive*. NYU Press, 216 p.
- Trachtenberg, M. (2020) *History and Strategy*. Princeton University Press, 304 p.
- Viotti, P. R. (2024) *Kenneth Waltz: An Intellectual Biography*. Columbia University Press, 261 p.
- Walt, S. M. (1990) *The Origins of Alliance*. Cornell University Press, 321 p.
- Weikart, R. (2016) *The Death of Humanity: and the Case for Life*. Simon and Schuster, 288 p.
- York, H. F. (1970) *Race to Oblivion: A Participant's View of the Arms Race*. Simon and Schuster, 256 p.

Статья поступила в редакцию: 26.12.2024

Статья поступила в редакцию после доработки: 30.03.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

## POLITICAL AND PHILOSOPHICAL JUSTIFICATION OF THE DOCTRINE OF NUCLEAR DETERRENCE

A. Kovalev

Andrey Kovalev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration,  
North-Western Institute of Management – RANEPa, Saint Petersburg, Russia  
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru (ORCID: 0000-0002-7760-5732).

### Abstract

The article provides a political and philosophical understanding of the doctrine of nuclear deterrence as a concept that arose in the context of global rivalry and transformed in the process of developing international relations. The purpose of the study is to identify the axiological, normative and strategic foundations underlying the idea of preventing aggression by demonstrating a nuclear threat. The analysis covers the key stages

of the doctrine formation, reveals its moral and political contradictions, and reflects the transformation of perception in the context of asymmetric risks and weakening trust between states. Special attention is paid to the relationship between deterrence as a rational mechanism and as a symbolic form of political communication embedded in the culture of security. The work uses historical and constructivist approaches that make it possible to trace the evolution of military strategies and determine the social foundations of doctrine formation. Modern challenges are considered: the proliferation of nuclear technologies, the emergence of new threats to global security, and a change in the balance of power. The importance of international cooperation, humanitarian and legal aspects of ensuring stability is emphasized. It is concluded that the concept of nuclear deterrence is losing its universality as an instrument of global order and requires rethinking in new philosophical and humanitarian coordinates. It is argued that an effective security system of the 21st century is impossible without the development of new forms of global interaction and collective responsibility.

**Keywords:** global security; MAD theory; ethics of nuclear deterrence; asymmetric threats; existential risks; war; nuclear weapons; security system.